

ПРОСТРАНСТВО ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ У АДЫГОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СМЕЩЕНИЕ ГРАНИЦ ПРИВАТНОСТИ

Самир Хамидович Хотко

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,

inalast@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5097-5864>

Аннотация. Анализируются кардинальные трансформации адыгской частной сферы, которые произошли на протяжении XIX в. и начала XX в. Выделяются четыре периода в организации сферы частной жизни адыгов. Первый из них соотносится со временем самостоятельной эволюции сфер публичного и частного (до 1864 г.) и характеризуется явным доминированием публичной сферы (конструируемой на принципиально отличающихся основаниях у «аристократических» и «демократических» субэтносов). Второй период начинается в 1864 г. с почти полного исчезновения адыгской публичной сферы и сопутствующей деградации сферы частной жизни. Это состояние длилось приблизительно до 90-х годов XIX в. и привело к периоду качественного улучшения содержания частной жизни и расширения возможностей для конструирования адыгского публичного пространства после 1905 г. В статье обозначена, но без детализации, эпоха слома всех устоев публичного и частного, последовавшая за революцией и Гражданской войной.

Ключевые слова: частная жизнь, приватность, публичная сфера, феодальные отношения, зависимость, демократические отношения, гражданская жизнь, большая семья, избегание, кунацкая, трансформация официальной публичности

Для цитирования: Хотко С.Х. Пространство частной жизни у адыгов в XIX – начале XX века: смещение границ приватности // Научная мысль Кавказа. 2025. № 4. С. 90–99.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-90-99

PRIVATE LIFE SPACE AMONG THE ADYGHE PEOPLE IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES: SHIFTING PRIVACY BOUNDARIES

Samir H. Khotko

Adyghe State University, Russia, Maykop,

inalast@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5097-5864>

Abstract. This article analyzes the fundamental transformations of the Adyghe private sphere that occurred during the 19th and early 20th centuries. Four periods in the organization of Adyghe private life are distinguished. The first corresponds to the time of the independent evolution of the public and private spheres (before 1864) and is characterized by the clear dominance of the public sphere (constructed on fundamentally different foundations among «aristocratic» and «democratic» sub-ethnic groups). The second period begins in 1864 with the almost complete disappearance of the Adyghe public sphere and the accompanying degradation of private life. This state of affairs lasted until approximately the 1890s and led to a period of qualitative improvement in the content of private life and the expansion of opportunities for the construction of Adyghe public space after 1905. The article outlines, without going into detail, the era of the collapse of all the foundations of public and private life that followed the revolution and the Civil War.

Key words: private life, privacy, public sphere, feudal relations, dependence, democratic relations, civil life, dignity, extended family, avoidance, kunatskaya, transformation of official publicity

For citation: Khotko S.H. Private Life Space among the Adyghe People in the 19th and Early 20th Centuries: Shifting Privacy Boundaries. *Naučnââ mysl' Kavkaza*. 2025. No. 4. P. 90–99.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-90-99

Original article

© Хотко С.Х., 2025

Проблема соотношения публичного и частного в историографии Северного Кавказа еще не ставилась. Эту данность следует считать закономерной, в виду крайне медленного проникновения в устоявшуюся в теоретическом плане кавказоведческую среду современных историко-антропологических концепций.

Философское и историко-теоретическое осмысление проблематики публичного и частного представлено в трудах Х. Арендт, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё, Н. Боббио, П.Дж. Стейнбергера, О.В. Хархордина и др. [1–6]. Для проблематики частного пространства, структуры и содержания частной жизни основополагающее значение имеют труды Ф. Арьеса, Ж. Дюби, Ж. Вигарелло и др. [7–9]. Наиболее распространенный в историографии взгляд на то, что мы можем считать частной жизнью и ее границами был сформулирован в 1890 г. С.Д. Уорреном и Л.Д. Брэндейсом в статье «Право на приватность», помещенную в «Гарвардское юридическое обозрение»: для них частная жизнь – это в значительной степени вопрос того, чтобы быть оставленным в покое [10, р. 193]. Статья считается одной из самых влиятельных в истории американского права и первой публикацией, отстаивающей право на приватность в США.

Х. Арендт в монографии «*Vita activa, или О деятельной жизни*» показала, что публичное связано с максимальной открытостью, с тем, что «оно признает релевантным, достойным всеобщего разглядывания и выслушивания». Соответственно, все «иррелевантное автоматически становится приватным делом» [1, с. 68]. Как видим, дихотомия публичного/частного связана с дихотомией релевантного/иррелевантного. Также, согласно Х. Арендт, «понятие публичного означает самый мир... собирательное понятие для всего, что разыгрывается между людьми, что осязаемо выступает на передний план в этом созданном мире» [1, с. 69].

Для определения сути частного Х. Арендт говорит о наиболее выраженных формах приватности, связанных с эскапизмом, одиночеством, отшельничеством: «Вести исключительно приватную жизнь значит в первую голову жить в состоянии, когда человек лишен определенных сущностно человеческих вещей... Привативный характер приватного лежит в отсутствии других; в том, что касается этих других, приватный

человек не выступает в явленность, словно как если бы его вообще не было» [1, с. 76].

В политической науке «великая дихотомия публичного/частного» является парадигматической основой для ряда других дихотомий (противоположаемых пар понятий): государство и гражданская жизнь; диктаторство и демократия [4, р. 1–21]. Выдающийся итальянский политический философ Н. Боббио отмечал, что изначально различие между публичным и частным было иерархическим, поскольку публичное утверждалось как верховное по отношению к периферийным полномочиям частного [4, р. 15]. Помимо дихотомии, определяемой в категориях пространства (сферы, области, границы) о различении публичного и частного можно говорить и в категориях действия, бытия в мире [5, р. 292]. Дихотомия публичного и частного связана с другой, не менее значимой дихотомией мужского и женского [3, с. 368]. По замечанию Ю. Хабермаса, в XIX в. «женщины и те, кто не обладает самостоятельностью, исключены из сферы политической публичности – и по факту, и юридически» [2, с. 110].

Необходимо различать понятия частной жизни и приватности. Есть случаи почти полного отсутствия приватности, как, например, у королевской семьи, но при этом пространство частной жизни максимально расширено, охватывая двор или даже все королевство. На другом полюсе социальной жизни стоит раб: он лишен и приватности, и частной жизни (если только к нему не относятся как к члену семьи).

Соотношение сфер публичного/частного очень чувствительно к историческим сдвигам. Этот процесс хорошо исследован на примере французской революции, в ходе которой «частная жизнь подвергалась наиболее жестокой агрессии за всю историю западного мира» [11]. «В разгар Революции, – отмечает Линн Хант, – “частное” считалось “мятежным”, а все, что к нему относилось, приравнивалось к бунту и заговору» [там же]. Русская революция по своим последствиям для сфер публичного и частного далеко превзошла события 1789–1794 гг. Тем не менее, советская сфера частного укрепитесь в 20-е гг., несмотря на воздействие государства, стремящегося к полной прозрачности (в том числе через специфические практики обличения и покаяния) [6, с. 284–290].

Постановка проблемы соотношения частного и публичного предусматривает использование междисциплинарного подхода

и позволяет анализировать все грани истории (политические, социальные и культурные). Фокус внимания при этом смещается с того, как жил народ и что происходило со страной, на жизнь семьи и индивида. Исторический дискурс (этноса, нации, государства) уступает место антропологическому дискурсу (человека в меняющемся мире). Соответственно, адыгская история XIX в. и первой четверти XX в. может быть описана через дихотомию публичного и частного. Избрание указанных хронологических границ обусловлено тем, что внутри обозначенного периода адыги пережили две кардинальные социальные трансформации (1864 и 1917 гг.).

Целью этой статьи является определение периодов истории частной жизни адыгов в их взаимосвязи с трансформацией публичной сферы. Достижение этой цели предполагает решение ряда задач:

- рассмотреть пространство и содержание частной жизни в традиционном адыгском социуме (до 1864 г.) с учетом масштабной эгалитаристской трансформации, которая произошла на землях «демократических племен» (натухайцы, шапсуги, абадзехи);

- проследить взаимодействие публичной и частной сфер в феодальноподобных иерархических обществах («владениях») Западной Черкесии (до 1864 г.);

- показать кардинальное изменение в соотношении частного и публичного в связи с процессами политической инкорпорации адыгского населения Кубанской области (после 1864 г.);

- реконструировать состояние пространства частной жизни после 1905 г. (в связи с манифестом 17 октября 1905 г. и либерализацией публичной сферы в России).

Публичное/частное и смещение границ приватности до 1864 г. Европейские исследователи феодальной повседневности констатируют состояние почти полного отсутствия приватности. Знатный человек принимает в свой дом чужаков, все свое время проводит в их окружении. Часто слуги спят на полу, рядом с хозяйской кроватью. Аристократ моется, одевается, ест и спит на глазах своего окружения [12]. Адыгский аристократ также не мог принимать пищу в одиночку, что породило сложные правила распределения пищи [13, с. 53–71].

Феодальная связь, скрепляемая через ритуал *оммажа*, воспринималась как родствен-

ная [8, с. 39]. Сюзерен, на правах «отца», волен был вмешиваться в личную жизнь подчиненных [8, с. 46]. Ж. Дюби с соавторами говорят о такой расширенной семье, как о «коллективном теле»: так, в XIII в. в доме Томаса Беркли проживало более 200 человек [8, с. 84]. Первая обязанность, после производства потомства, – увеличение штата домочадцев, клиентов. Это и было мерилom богатства и преуспевания [8, с. 88]. Глава такого дома обязан был проявлять заботу и щедрость. В частности, он раздавал меховые одежды [8, с. 90]. Эта установка находит прямые аналогии в адыгском материале [14].

Вассалы сравнивались с оградой [8, с. 458]. В адыгской сословной иерархии существовала группа младших уорков, называвшихся *пиичеу* (шапс. *пиикъеу* «князя ограда»; видимо, челебиевское *пиуко* означало именно такой тип селения [15]), которые расселялись вокруг княжеского дома и постоянно сопровождали его в повседневных перемещениях [16, с. 109].

Знатный человек и в домашней обстановке не свободен от всех манер и правил, которые как бы приросли к нему, стали его второй натурой. Специалист в области социологии элит Моник де Сэн-Мартен заметила как-то, что дворянин это тот, кто занят представлением даже и в домашней жизни, т.е. тот, у кого вместо частного официальное [17, с. 190]. Б.Х. Бгажноков подмечает театральность, торжественность, церемонность поведения черкесской знати внутри дома, на глазах у домочадцев и ближайшего окружения. К этой категории стандартов поведения относились: манера принимать пищу, вести беседу, дворянский способ держаться в седле (*уэркъ шы тесыкIэ*); «походка княгини» (*гуацэ кIуакIэ*), многое другое [13, с. 108–109].

Частная сфера жизни крестьян в княжествах Западной Черкесии была насильственно пронизана феодальным контролем и вмешательством. Как отмечал М.А. Меретуков, «господствующая верхушка была заинтересована в сохранении семейных объединений, так как они были экономически лучше обеспечены и могли лучше нести феодальные повинности; феодалы принимали эффективные меры, чтобы воспрепятствовать разделу большой семьи» [18]. Гораздо более глубоким было вмешательство в частную жизнь крепостных крестьян, но оно сдерживалось вполне определенными нормами адата и шариата [19].

В горских обществах, или «демократических племенах» (натухаевцы, шапсуги,

абадзехи), произошел демонтаж феодальной иерархии. После того как вассалитет сузил пространство частной жизни, поколебал древнее право главы семьи распоряжаться судьбами домочадцев, быть полновластным господином, возрождение эгалитарного общества в XVIII в., напротив, резко расширило сферу частного. Главы больших семей не только являлись полновластными распорядителями в своих домах, но и преобразовали публичную сферу. Теперь она стала сферой совместных действий горцев, которые договорились и поклялись действовать на равных в делах самоуправления и обороны. Отныне не феодальность вторгалась в частную жизнь, ограничивая ее, но большое сообщество «граждан» не давало индивиду склониться, отойти от активного участия.

Участие в работе народного собрания в качестве избранного депутата (представителя псухо) воспринималось как почетная миссия. Дж. Бэлл подчеркивал, что «таматы» (ад. *тхьаматэ* «старшина») без какого бы то ни было вознаграждения, несколько месяцев в году, «полностью отрекшись от своих собственных дел», проводили время в поездках и заседаниях [20, с. 256]. «Возникающая при демократической форме правления непрерывная деятельность в политической сфере, – отмечал А. де Токвиль, – переходит затем и в гражданскую жизнь» [21].

Важнейшее сходство в организации сфер частной жизни у всех адыгских обществ до 1864 г. состояло в том, что индивидуальная приватность практически полностью отсутствовала. Глава адыгской большой семьи обладал огромной властью – вплоть до продажи в рабство детей. Черкесский дворянин или тфокотль в середине XIX в. мог избавиться от племянника, чтобы не дробить поместье [22]. В этом отношении, адыгские порядки вполне сопоставимы с античными обычаями [23].

Избегание и двери. Одна из черт частной жизни молодой супружеской пары у адыгов состояла в том, что время и место супружества чрезвычайно стеснено: в собственном доме муж посещал жену украдкой (от всех членов большой семьи и, тем более, посторонних лиц) [24, с. 95]. В приватной сфере, таким образом, превыше всего ценилась сдержанность. Супружеская интимность украдкой может показаться полностью экзотичной ситуацией, но она хотя бы отчасти напоминает редкие моменты близости многих аристократических пар во Франции в XIX в. По наблюдению

Ю. Хабермаса, в этой среде «игривая интимность» возникает, но не отвоевывает себе большое пространство [2, с. 98]. В противоположность порядкам буржуазной семьи с ее «долговременной интимностью семейной жизни».

Адыгская большая семья проживала в рамках одного подворья в нескольких домах. Организация семейной жизни и семейного пространства находилась в прямой зависимости от обычая избегания (между супругами, между родителями и детьми, между женой и родственниками мужа) [24, с. 95]. Все эти формы избегания «считались важным и необходимым средством поддержания порядка в семье». Наиболее выраженный характер избегание носило между снохой и свекром, а также между супругами при посторонних [24, с. 93–95].

Избегание на примере общины черкесо-франков (*Cerchessi franchi*) в 1634 г. описал префект доминиканской миссии в Каффе Эмиддио де Асколи, обративший внимание на то, что невестки не посещают церковь одновременно со свекром [25, с. 127–129]. В 1818 г. Тэбу де Мариньи не мог не заметить, что черкесский мужчина виделся с супругой «только по ночам или с соблюдением величайшей таинственности, поскольку ему грозит нечто вроде бесчестия, если его увидят вместе с женой» [26].

Соблюдение этого обычая требовало устройства в доме двух и более дверей: считалось, что чем больше задних дверей в усадьбе, тем больше порядка и взаимного уважения в семье [24, с. 68]. Заслуженный учитель Адыгеи и автор необыкновенно интересных воспоминаний Исмаил Ибрагимович Паранук отмечал, что в дедовском доме из 6 комнат имелось три входа [27, с. 16]. Еще раз тема дверей возникает в речи его супруги Хариет о необходимости отказаться от предложенной казенной квартиры и начать строительство своего дома: «Как жить старикам, детям, невесткам, гостям в квартире, где всего один вход?» [27, с. 97]. Нух ал-Меретуки позитивно оценивал обычай избегания, который хорошо соответствовал мусульманскому порядку разделения жилища на мужское и женское пространства [19].

Гостевой дом, или кунацкая – место пересечения частного и публичного. Кунацкая располагалась в пределах двора (составляя отдельный его сектор-двор, выделенный плетнем, снабженный коновязью, туалетом), но не вполне принадлежала хозяину. Прием гостя – действие хозяина как частного лица. Это событие его частной жизни. Но гостеприимство обязательно

включает определенный круг соседей и родственников, приобретает черты публичного действия. Гостеприимство оценивается только с внешней стороны, обществом, которое крайне взыскательно в этом и других вопросах, казалось бы, частной жизни. Принимающий гостя *бысым* может и должен добавить своему аулу и роду частицу доброй репутации или того, что называют символическим капиталом.

Кунацкая играла роль мужского клуба, а мужское место и мужское занятие (времяпрепровождение) относятся к внешней, публичной сфере. Собственно дом, в котором размножается пара, воспитываются дети, это женское пространство. П. Бурдые описал это различие мужского (внешнего, публичного, официального) и женского (внутреннего, частного, интимного) [17, с. 128, 132–135].

Все наиболее важные и сущностные события частной жизни обладают потенциалом публичного действия. В этом плане адыгские похороны – это большое публичное действие, даже манифестация [28]. Известно, что «общие страдания соединяют больше, чем общие радости... траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия» [29].

Трансформация 1864 г. Включение Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи сопровождалось введением военноподчиненной системы управления. На практике это означало полное исчезновение адыгской публичной сферы. Она была замещена внешним администрированием. Собственно адыгские институты (княжеская власть на землях аристократических владений и народное собрание на землях демократических племен) оказались под запретом. Князья были превращены в своего рода сельских обывателей. Это сильнейшая деградация публичной сферы привела к резкому увеличению частной сферы. Своей частной жизнью зажили многочисленные бывшие крепостные, с некоторым временным лагом получившие «свободу» следом за массой российских крепостных крестьян. Также были эмансипированы разного рода холопы, дворовые (унауты), рабы.

Исчезновение адыгской публичной сферы не могло пойти на пользу частной сфере. «Похоже, в самом существе царящих между приватным и публичным отношений заложено, что отмирание публичности в ее конечных стадиях сопровождается радикальной угрозой приватному» [1, с. 79].

Новая публичная сфера для адыгского человека теперь состояла из начальства в погонах, послушание же и, тем более, демонстративное неповиновение приводили к знакомству с доселе невиданными изобретениями – ссылкой, тюрьмой, каторгой. Побег был едва возможен: адыгские аулы Екатеринодарского и Майкопского отделов (уездов) Кубанской области находились в плотных кольцах казачьих станиц. Напомним здесь, что императорскими указами 1861 и 1862 гг. весь нагорный сектор Закубанья был отдан под колонизацию казачьими станицами [30, с. 915–916; 31].

Более того, внутри своих анклавов (которые в основном были остатками двух аристократических владений – Бжедугии и Темиргоя) адыгское население также было лишено возможности конструирования собственной публичной сферы. Любые собрания находились под запретом. Единственная дозволенная общественная активность состояла в обращениях с просьбами к начальству. Чтобы приблизиться к пониманию того, насколько оказалась разрушена адыгская публичная сфера, надо отталкиваться от факта тотального запрета на свободу перемещения внутри этих двух анклавов. Из «Справки о стеснительных мерах для горцев»: «В конце 1867 года. Приказано ездить лишь по дорогам. В случае поездки в лес за фруктами и в других надобных случаях горцы должны были быть сопровождаемы казаком. В противном случае все, встреченные не на дорогах, должны будут приняты за бродяг» [32]. Передвигаться можно было только получив разрешение («билет»), в светлое время суток, а ночевать только в специально предназначенных местах, в виду казачьих властей (у станиц, постов и пр.) [там же].

В целом, если адыгский индивид довольствовался малым, трудом хлебороба, скотовода, ремесленника, мелкого торговца, и пр., то он мог жить счастливо, размеренно. Максимальное коллективное действие сводилось к выборам аульского старшины.

Без собственных институтов публичности остатки адыгского населения Северо-Западного Кавказа провели большую часть периода между 1864 и 1917 гг. Они были полностью лишены политического представительства, исключены из политической жизни, и даже из сферы публичного. Иногда, представителей знатных семей, состоявших на военной и административной службе, приглашали поучаствовать в официальных торжествах.

Тем не менее, было бы ошибкой полагать, что адыги не предпринимали усилий, направленных на адаптацию к новым условиям. Так, весьма важным событием стал сбор средств (более 80 тысяч рублей) черкесским населением Майкопского уезда и строительство Майкопской горской школы в 1880–1881 гг. [33, с. 518]. В 1902 г. А.Н. Дьячков-Тарасов отмечал большое внимание абадзехов к проблеме образования: за свои средства они выстроили в Хакуринохабле «превосходное кирпичное здание» и оборудовали его всеми необходимыми принадлежностями [34, с. 14]. В каждом из 10 аулов, которые он посетил (темиргоевских со значительным абадзехским населением), он встречал примерно по одному учащемуся или выпускнику Ставропольской гимназии [там же]. Соответственно, можно говорить о том, что формировалось сообщество образованных лиц, которые потенциально могли организовать систему русского, начального образования в адыгских аулах, тем самым кардинально изменив отношение своих земляков к официальной публичной сфере.

Конструирование новой публичной сферы адыгской элитой после 1905 г. Значимые изменения в сфере публичного произошли у адыгов в прямой связи с либерализацией политической жизни в Российской империи. Появление в России парламента (Государственной думы), политических партий, зарождение института выборов, относительная свобода прессы сказались на жизни адыгов позитивным образом.

Появились первые примеры приватности европейского типа. Адыгские супружеские пары впервые позируют совместно на фотографиях [35, с. 389] Это было знаком перемен эпохальной важности. От тысячелетних устоев избегания адыги стали, пусть и крайне медленно, переходить к демонстрации приватной жизни.

Вторым таким эпохальным изменением стали театральные благотворительные вечера, проведенные в 1908 и 1914 гг. Это были публичные мероприятия, задуманные и реализованные адыгскими общественными активистами (представителями знати и разбогатевших фамилий тфокотлей) в областной и войсковой столице – Екатеринодаре [35, с. 387]. Возникла и первая институция адыгской публичной сферы: Екатеринодарское черкесское благотворительное общество (1912) [36, с. 7].

Идейное обрамление зарождающейся адыгской публичной сферы составили очерки

и статьи первых адыгских публицистов – С. Сиюхова, Б. Шарданова и др. [37–38]. Появление публицистики само по себе является знаком наличия достаточно свободной, терпимой к оппозиционному мнению публичной сферы.

В этот же период зародилось адыгское школьное образование на адыгском языке. Более того, оно было организовано не только местными адыгскими деятелями, но и прибывшими в 1909 г. из Турции адыгскими учителями, потомками мухаджиров [39, с. 127–128].

Знаковым событием стало строительство первого большого, по-настоящему роскошного, особняка в Екатеринодаре (на углу улиц Красная и Графская), осуществленное Батырбеком Бекмурзовичем Шардановым в 1905 г. [38, с. 47]. Мы можем предположить символическое содержание, которое один из лидеров черкесского населения Кубанской области вложил в этот проект: 1) черкесы готовы к тому, чтобы получить политическое представительство, а сам Б.Б. Шарданов претендует на то, чтобы стать депутатом Государственной Думы; 2) черкесы усвоили европейскую культуру и готовы к тому, чтобы жить в городе.

Таким образом, после 1905 г. и вплоть до 1917 г. адыги Кубанской области продемонстрировали свою дееспособность в организации институтов публичной сферы, подготовив почву для советского процесса автономизации.

Изучение истории частной жизни в ее соотношении с публичной сферой позволяет нам выстроить новую периодизацию истории (политической, социальной, культурной). В ином свете предстают адыгские общества (демократические и аристократические), социальные устои которых формировали кардинально отличающиеся пространства частной жизни, семейной и индивидуальной повседневности, самих представлений о свободе, достоинстве.

В целом периоды в истории частной жизни выглядят следующим образом. До 1864 г. сфера частного очень стеснена, но принципиально поразному. В аристократических владениях она ограничивается сверху: крупные феодалы вмешиваются в семейную жизнь своих вассалов (уорков), а те, в свою очередь, ограничивают и сдвигают частную жизнь основной категории населения – тфокотлей (лично независимых крестьян-общинников); и в еще более грубой форме дворяне регулируют повседневность пшитлей (крепостных крестьян).

В «демократических племенах» человек сам стремился участвовать в общественных делах, добровольно ограничивал свое пространство, возлагал на себя бремя расходов по поддержанию общественных постановлений. В идеале это жизнь гражданская, ориентирующая индивида стать депутатом народного собрания, присяжным судьей и пр.

Важнейшее сходство в организации сфер частной жизни у всех адыгских обществ: частная жизнь как уединенность, отстраненность, отшельничество почти невозможна и в «аристократических», и в «демократических племенах». В принципе невозможна фигура скучающего землевладельца, помещика, рантье или обывателя. В целом адыгское общество до 1864 г. может быть охарактеризовано как социум с явным доминированием публичной сферы.

Затем последовал период (после 1864 г.), когда политические и экономические условия претерпели наиболее кардинальные изменения. Почти все формы адыгской публичной жизни были «упразднены». Люди теперь жили только обывательской жизнью. Как-то рудиментарно функционировали традиции самоуправления: выбирали аульского старшину и муллу (на деле, они назначались начальством). Постановить что-то общественно значимое за пределами тех военно-полицейских мер, которые определяли жизнь адыгских аулов, было невозможно.

Вполне ощутимая либерализация публичной сферы произошла после 1905 г. – на фоне социально-политической трансформации российского общества. Адыгская семья получила возможности для развития своей частной жизни: это касалось и образования (в том числе, далеко за пределами «Адыгеи»), и ведения бизнеса, и переселения в города (Екатеринодар, Майкоп), и развития собственной сферы приватности (на уровне нуклеарной семьи).

Список источников

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина; под ред. Д.М. Носова. СПб.: Алетей, 2000. 437 с.
2. *Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества* / Пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Изд-во «Весь мир», 2016. 344 с.
3. *Бурдьё П. Практический смысл* / Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетей, 2001. 562 с.
4. *Bobbio N. Democracy and Dictatorship. The Nature and Limits of State Power. Translated by P. Kennealy. Cambridge: Polity Press, 1989. XXX. 186 p.*
5. *Steinberger P.J. Public and Private. Political Studies, 1999. Vol. XLVII. P. 292–313.*
6. *Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. 2-е изд. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 508 с.*
7. *Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке* / Пер. с франц. Я.Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
8. *История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби: в 5 т. Т. 2: Европа от феодализма до Ренессанса: под ред. Ж. Дюби* / Пер. с франц. Е. Решетниковой и П. Каштанова. 5-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 784 с.
9. *История тела: в 3 т. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения* / Под ред. Алена Корбена, Жан-Жака Куртина, Жоржа Вигарелло. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 472 с.
10. *Warren S.D., Brandeis L.D. The Right to Privacy. Harvard Law Review. 1890. Dec. 15. Vol. 4. No 5. P. 193–220.*
11. *История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби: в 5 т. Т. 4: от Великой французской революции до I Мировой войны* / Под ред. М. Перро / Пер. с франц. О. Панайотти. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 672 с.
12. *Блок М. Феодальное общество* / Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. Под ред. Н.С. Малевич. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с. С. 295.
13. *Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: «Эльбрус», 1983. 230 с.*
14. *Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов* / Пер. с англ. В.М. Аталикова. Нальчик: «Эль-Фа», 2002. 541 с. С. 374.
15. *Челеби Э. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с. С. 56.*
16. *К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году // Кавказский сборник. Т. XIX. Тифлис, 1898. С. 16–119.*
17. *См.: Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992)* / Пер. с франц. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисловие А. Бикбова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 720 с.
18. *Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 366 с. С. 57.*
19. *Нух ал-Меретуки. Нур ал-макабис фи таварих ал-чаракис. Сияние светильников в истории черкесов* / Под ред. И.В. Зайцева. Майкоп: АО «Полиграф-ЮГ», 2024. 192 с. С. 46.
20. *Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов: в 2 т. Т. 2.* / Пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции

- 1905 г.», издательский центр «Эль-Фа», 2007. 328 с. С. 256.
21. *Токвиль, Алексис де*. Демократия в Америке / Пер. с франц, предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с. С. 191.
 22. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874) / Проект, археография документов и сост. Т.Х. Кумыкова. Нальчик: «Эль-Фа», 2003. 414 с. С. 68–69.
 23. *Боннар А.* Греческая цивилизация / Пер. с фр. О.В. Волкова: в. 3 т. Т. 1: От Илиады до Парфенона. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 256 с. С. 20.
 24. *Бгажноков Б.Х.* Социальная организация семьи. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 128 с.
 25. *Асколи Э. де*. Описание Черного моря и Татарии, 1634 // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXIV. 1902. С. 89–180.
 26. *Мариньи Т. де*. Поездки в Черкесию / Пер. с франц. К.А. Мальбахова. Нальчик: «Эль-Фа», 2006. 208 с. С. 45.
 27. *Паранук И.И.* Мои воспоминания. Майкоп: ООО «Полиграф-ЮГ», 2016. 126 с.
 28. *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. 672 с. С. 267, 269.
 29. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с. С. 66.
 30. Высочайший рескрипт наказному атаману Кубанского казачьего войска, ген.-адъют. Евдокимову, от 24 июня 1861 года. Царское Село // Акты Кавказской археографической комиссии. Т. XII. Ч. 1. Тифлис: Типографии канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1904. С. 915–917.
 31. Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казакам и другими переселенцами из России: [Утв. 10-го мая 1862 г.: С прил. др. материалов]. СПб.: В типографии Управления Иррегулярных войск, 1862. 118 с. С. 3–4.
 32. Материалы по истории западных адыгов. (Архивные документы 1793–1914 гг.) / Сост. А.В. Сивер. Нальчик: Издательский центр КБИГИ, 2012. 158 с. С. 72.
 33. *Бузаров А.К.* Из истории черкесской общины и мусульманского джамаата Майкопа (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Богослужбные практики и культовые искусства в современном мире. Вып. 4. Т. 2. / Ред.-сост. С.И. Хватова. Краснодар: Изд-во «Магарин О. Г.», 2020. С. 512–535.
 34. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи. (Историко-этнографический очерк) // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества, 1902. Кн. XXII. Вып. 4. С. 1–50.
 35. Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов / Сост. и вступ. статья С.Х. Хотко. Майкоп: «Полиграф-ЮГ», 2009. 406 с.
 36. *Бузаров А.К.* Из истории Екатеринодарского черкесского благотворительного общества. К столетию первой на исторической родине общенациональной общественной организации адыгов // Лики адыгского прошлого. Историческое приложение к газете «Адыгэ макъ». Вып. 8 (67). 5 мая 2012. С. 7–8.
 37. *Сефербий Суюхов*. Избранное / Сост., предисл. и комм. Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: «Эль-Фа», 1997. 416 с.
 38. *Ващенко И.И.* Дом Батырбека Шарданова. Исследования и документы. Краснодар: МС-Центр, 2009. 116 с.
 39. *Нефляшева Н.А.* Религиозное образование у западных адыгов в начале XX в. // Федерализм. № 1 (57). 2010. С. 121–134.

References

1. Arendt H. *Vita activa, or On the Active Life*. Transl. from German and English by V.V. Bibikhin. Ed. by D.M. Nosov. St. Petersburg, Aletheia, 2000. 437 p. (In Russ.).
2. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Transl. from German by V.V. Ivanov. Moscow, Publishing House Ves' Mir, 2016. 344 p. (In Russ.).
3. Bourdieu P. *Practical Meaning*. Ed. of the translation and afterword by N.A. Shmatko. St. Petersburg, Aletheia, 2001. 562 p. (In Russ.).
4. Bobbio N. *Democracy and Dictatorship. The Nature and Limits of State Power*. Transl. by P. Kennealy. Cambridge, Polity Press, 1989. Vol. XXX. 186 p.
5. Steinberger P.J. Public and Private. *Political Studies*. 1999. Vol. XLVII. P. 292–313.
6. Kharkhordin O.V. *To Denounce and to Hypocrisy: A Genealogy of the Russian Personality*. St. Petersburg, Press of the European University at St. Petersburg, 2016. 508 p. (In Russ.).
7. Ariès F. *The Child and Family Life under the Old Regime*. Transl. from French by Ya.Yu. Startsev. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 1999. 416 p. (In Russ.).
8. *History of Private Life*. Ed. by F. Ariès and J. Duby. In 5 vol. Vol. 2: *Europe from Feudalism to the Renaissance*. Transl. from French by E. Reshetnikova and P. Kashtanov. 5th ed. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2024. 784 p. (In Russ.).
9. *History of the Body*. In 3 vol. Vol. 1: *From the Renaissance to the Age of Enlightenment*. Ed. by Alain Corbin, Jean-Jacques Courtin, and Georges Vigarello. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2024. 472 p. (In Russ.).

10. Warren S.D., Brandeis L.D. The Right to Privacy. *Harvard Law Review*. 1890. Dec. 15. Vol. 4. No 5. P. 193–220.
11. *History of Private Life: edited by F. Ariès and J. Duby*. In 5 vol. Vol. 4. From the Great French Revolution to World War I. Ed. by M. Perrault. Transl. from French by O. Panayotti. 3rd ed. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2022. 672 p. (In Russ.).
12. Blok M. *Feudal Society*. Transl. from French by M.Yu. Kozhevnikova. Ed. by N.S. Malevich. Moscow, Sabashnikov Publishing House, 2003. 504 p. P. 295.
13. Bgazhnokov B.Kh. *Essays on the Ethnography of Adyghe Communication*. Nalchik, «Elbrus», 1983. 230 p. (In Russ.).
14. Longworth J.A. *A Year Among the Circassians*. Transl. from English by V.M. Atalikov. Nalchik, El-Fa, 2002. 541 p. P. 374. (In Russ.).
15. Celebi E. *The Book of Travel (Excerpts from the Work of a 17th-Century Turkish Traveler)*. Part 2: Lands of the Northern Caucasus, the Volga Region, and the Don Region. Moscow, Nauka, 1979. 287 p. P. 56. (In Russ.).
16. K. Review of Events in the Caucasus in 1851. In: *Caucasian Collection*. Vol. XIX. Tiflis, 1898. P. 16–119; Vol. XXI. Tiflis, 1900. P. 1–52 (Section II). (In Russ.).
17. Bourdieu P. *On the State: Lecture Course at the Collège de France (1989–1992)*. Transl. from French by D. Kralechkin and I. Kushnareva; foreword by A. Bikbov. Moscow, Delo Publishing House, RANEPa, 2022. 720 p. (In Russ.).
18. Meretukov M.A. *Family and Marriage among the Adyghe Peoples*. Maykop, Adyghe branch of the Krasnodar book publishing house, 1987. 366 p. P. 57. (In Russ.).
19. Nuh al-Meretuki. *Nur al-makabis fi tawarikh al-charakis. The Shining of Lamps in the History of the Circassians*. Ed. by I.V. Zaitsev. Maykop, AO Poligraf-YUG, 2024. 192 p. P. 46. (In Russ.).
20. Bell J. *Diary of a Stay in Circassia during the Years 1837–1839*. In 2 vol. Vol. II. Translated from English by K.A. Malbakhov. Nalchik, State Enterprise of the KBR «Republican Printing Plant named after the Revolution of 1905», El-Fa Publishing Center, 2007. 328 p. P. 256. (In Russ.).
21. Tocqueville Alexis de. *Democracy in America*: Trans. from French. Preface by Harold J. Laski. Moscow, Progress, 1992. 554 p. P. 191. (In Russ.).
22. *Archival materials on the Caucasian War and the deportation of the Circassians (Adyghe) to Turkey (1848–1874)*. Project, document archeography and compilation by T.Kh. Kumykov. Nalchik, «El-Fa», 2003. 414 p. P. 68–69. (In Russ.).
23. Bonnard A. Greek civilization. Transl. from French by O.V. Volkov. In 3 vol. Vol. 1: From the Iliad to the Parthenon. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 1958. 256 p. P. 20. (In Russ.).
24. Bgazhnokov B.Kh. *Social organization of the family*. Nalchik, KBIGI Publishing Department, 2010. 128 p. (In Russ.).
25. Ascoli E. de. Description of the Black Sea and Tataria, 1634. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. 1902. Vol. XXIV. P. 89–180. (In Russ.).
26. Marigny T. de. *Trips to Circassia*. Transl. from French by K.A. Malbakhov. Nalchik, El-Fa, 2006. 208 p. P. 45. (In Russ.).
27. Paranuk I.I. *My Memories*. Maykop, Poligraf-Yug, LLC, 2016. 126 p. (In Russ.).
28. *Sultan Khan-Girey: Selected Works and Documents*. Maykop, Poligraf-Yug, OJSC, 2009. 672 p. P. 267, 269. (In Russ.).
29. Assman A. *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*. Transl. from German by B. Khlebnikov. Moscow, New Literary Review, 2014. 328 p. P. 66. (In Russ.).
30. The Imperial Rescript to the Ataman of the Kuban Cossack Host, Adjutant General Evdokimov, dated June 24, 1861. Tsarskoye Selo. In: *Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. XII. Part I*. Tiflis, Printing House of the Chancellery of the Commander-in-Chief of the Civil Service in the Caucasus, 1904. P. 915–917. (In Russ.).
31. *Regulation on the settlement of the foothills of the western part of the Caucasus ridge by Kuban Cossacks and other settlers from Russia (Approved May 10, 1862: With appendix of other materials)*. St. Petersburg, Printing house of the Directorate of Irregular Troops, 1862. 118 p. P. 3–4. (In Russ.).
32. *Materials on the History of the Western Adyghe (Archival Documents 1793–1914)*. Compiled by A.V. Siver. Nalchik, KBIGI Publishing Center, 2012. 158 p. P. 72. (In Russ.).
33. Buzarov A.K. From the History of the Circassian Community and the Muslim Jamaat of Maikop (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries). In: *Liturgical Practices and Religious Arts in the Modern World*. Issue 4. Vol. 2. Ed. and compiled by S.I. Khvatova. Krasnodar, Magarin O.G. Publishing House, 2020. P. 512–535. (In Russ.).
34. Dyachkov-Tarasov A. N. Abadzekhi. (Historical and Ethnographic Essay). *Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. 1902. Book XXII. Issue 4. P. 1–50. (In Russ.).
35. *Besleney – the Bridge of Circassia. Questions of Historical Demography of Eastern Transkuban Region. 13th–19th Centuries. Collection of Documents and Materials*. Compiled and with an introductory article by S.H. Khotko. Maykop, Poligraf-Yug, 2009. 406 p. (In Russ.).
36. Buzarov A.K. From the History of the Yekaterinodar Circassian Charitable Society. On the Centenary of the First National Public Organization of the Adyghe in the Historical Homeland. *Faces of the Adyghe Past. Historical Supplement to the Adyghe Mak Newspaper*. 2012. Issue 8 (67). May 5. P. 7–8. (In Russ.).

37. Seferbiy Siyukhov. *Selected Works*. Comp., Preface, and Commentary by R.Kh. Khashkhozheva. Nalchik, El-Fa, 1997. 416 p. (In Russ.).
38. Vaschenko I.I. *The House of Batyrbek Shardanov. Research and Documents*. Krasnodar, MS-Center, 2009. 116 p. (In Russ.).
39. Neflyasheva N.A. Religious Education Among the Western Adyghe at the Beginning of the 20th Century. *Federalism*. 2010. No. 1 (57). P. 121–134. (In Russ.).

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

Информация об авторе

С.Х. Хотко – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории. Адыгейский государственный университет. 385000, г. Майкоп, ул. Жуковского, 15.

Information about the author

S.H. Khotko – D.Sc. in History, Associate Professor of the Department of Russian History, Historiography, Theory and Methodology of History. Adyghe State University. 385000, Maykop, Zhukovsky Street, 15.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 15.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 94(47).081

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-99-108

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ УНИФИКАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Максим Николаевич Крот

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

mnkrot@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5855-8160>

Аннотация. Рассматривается процесс становления концептуальных основ и практических путей интеграции северо-западных окраинных регионов Российской империи, включавших в себя северо-западные и прибалтийские губернии, в правительственной и общественной среде России первой половины XIX в. Выявляются противоречия между сословно ориентированным курсом правительства и растущими национальными настроениями русской общественности и интересами коренных народов региона. Анализируются первые опыты формирования концепции унификации северо-западных окраинных регионов, представлявшие собой интеллектуальную реакцию на проводимую здесь правительственную политику, предпринятые М.Н. Карамзиным, Г.-Ф. фон Парротом, Ю.Ф. Самариным.

Ключевые слова: Российская империя, северо-западные окраины, Остзейский край, унификация, М.Н. Карамзин, Г.-Ф. фон Паррот, Ю.Ф. Самарин, Николай I

Для цитирования: Крот М.Н. Зарождение идеи унификации северо-западных окраин Российской империи в отечественной общественной мысли первой половины XIX века // Научная мысль Кавказа. 2025. № 4. С. 99–108.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-99-108

© Крот М.Н., 2025